

школьному приятелю Кулешову, мечтавшему уехать подальше от Псковской губернии. 15 января 1925 года он был арестован в деревне Синяково Торопецкого уезда. Вскоре чекистам попался его поделщик Чижев, возглавлявший с 1922 года одну из обероновских шаек. Последний намеревался бежать вообще в Ташкент. Предварительно он послал на разведку в Среднюю Азию свою любовницу Клавдию Емельянову, через которую его и задержали.

В мае 1925 года состоялся суд, проходивший в условиях повышенных мер безопасности. Это объяснялось тем, что по словам самих участников процесса «бандитизм в Велижском, Демидовском и других районах еще не совсем ликвидирован»¹. На скамье подсудимых оказались 56 мужчин и 5 женщин, большинство из которых обвинялись в пособничестве «зеленым». Среди пособников находились несколько членов РКП(б), сотрудник военкомата, народный следователь, заведующий земельным отделом, председатель волисполкома и некоторые другие должностные лица. Отсутствовал только сам Оберон.

ОТРАЖЕНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ИСТОРИЮ ЛАТВИЙСКОГО РЕГИОНА – ЛАТГАЛИИ

Валда Чакша, Инесе Бривере

Резекне, Резекненская академия технологий (Латвия)

Корни современных латгальцев начинаются с древних балтов, культурный ареал которых в эпоху раннего железного века занимал территорию между Вислой (запад), Балтийским морем (север), левым берегом Даугавы (северо-восток), верхней частью Оки и Десны (на востоке) и средним Приднепровьем (юг) [1, с. 56]. В период с 2-го по 8-ое столетие, когда славянские племена стали проникать на территорию балтов и отодвинули их на северо-запад, одна из групп вошла в нынешнюю территорию Латгалии с верховьев Днепра через Литву, и со временем создала про-государства латгалов Ерсикю, Талаву и Кокнесе, которые экономически и политически были связаны с Псковским, Новгородским и Полоцким княжествами. Как видно из старейших письменных источников (Повесть прошедших лет, Ливонская хроника и др.), в 11–12 в. латгалы населяли нынешнюю часть Латвийского государства в Латгале и восточную часть Видземе, а также часть территории современной Беларуси.

Тем не менее, о регионе Латгале в целом можно говорить только с 17-го века, когда, в результате войн между великими державами Швеции, России и Польши Латгале была отделена от остальной части латышских территорий как Inflantija (Ksiestwo Inflanckie), а после первого раздела Польши (1772) вошла в состав Российской империи в пределах Псковской губернии. Чуть позже Латгалию административно прикрепили к Полоцку (1796), а после внесли в Белорусскую губернию. В ходе дальнейших реформ Латгале стала частью Витебской (1802–1917) губернии. Таким образом, победители определили сепаратное развитие латгальцев и остальных латышей на несколько сотен лет, а католическая религия, которая укоренилась в Латгалии, углубила отличие с течениями лютеранской культуры остальной части Латвии. Поскольку деятельность иезуитов способствовала появлению Латгальской письменности, это стало одним из наиболее важных факторов

¹ Там же. Д. 394. Л. 83.

культурного и этнического смысла латышей Латгалии. Латгальцы в эти века не имели свою собственную политику в области культуры, не проводилась и идентификация и сохранение традиционных культурных ценностей. Исторические процессы способствовали не только укреплению роста воздействия католицизма и православия, но и способствовали заметному влиянию славянских народов (русских, белорусов, поляков) на характер и менталитет латгальцев. Только после отмены крепостного права (1861), бедные и необразованные Витебские латгальцы в поисках заработков, начали батрачить в Видземе и Курземе, где познакомились с прибалтийским образом жизни, познали культурные традиции других латышей. После открытия железной дороги Петроград-Варшава (1869), латгальцы стали отправляться на заработки в Петроград¹, где было сформировано довольно крупное сообщество «своих». Большая часть членов общины работали на заводах и фабриках, но небольшая часть поступили учиться в высшие учебные заведения, в которых не надо было платить за учебу (духовный семинарий, военная медицина). Таким образом, далеко от Латгалии концентрировались первые образованные латгальцы (в основном священники), которые в начале 20 века способствовали национальному возрождению Латгале. Основные активисты создали первую общественную организацию – Музыкальное общество Петербургских латышей (1903), цели которой были связаны с сохранением традиционной культуры латгальцев. Наиболее важными задачами для членов общества стало создание школ в Латгалии, организация курсов учителей, сохранения латгальского языка и традиций письменности, выпуск газет и учебников Латгалии. Общество, в сотрудничестве с латышскими музыкантами, которые учились или работали в Петербургской консерватории, сосредоточились на продвижении духовной культуры латгальцев: были созданы первые хоры, оркестры, театры, ряд детских творческих коллективов, а также начато собирание духовного наследия Латгале [2, с. 8–9]. Название общества символически указано на единство двух исторически разделенных частей латышского народа.

В период Первой мировой войны продолжалось создание общественных организаций латгальцев, так в 1916 г. Ф. Кемп создал Демократическую партию труда латгальских трудящихся, которая 1917 году в Петрограде издавала в газету «Ļaužu Bolss» В годы войны было основано Латгальское общество помощи жертвам войны, Латгальский комитет народа, Оргкомитет латгальцев, Союз латгальских учителей, Секция латгальских стрелков [3, с.399] и др. Это был время выбора, поэтому в течение переходного периода и в прессе латгальцев тоже наблюдается резко поляризованные идеологические противостояния. После Февральской революции в Петрограде резко возрос диапазон латгальских периодических изданий. В 1917 году вышли газеты «Dryva», «Latgolas Pagaidu Zemes Padumes Ziniojums» и др., но объём статьи ставит ограничения на анализ этих изданий. Большинство из названных периодических изданий свидетельствует о формировании латгальского самосознания и подходит для исследования. Кроме того, в Национальном Архиве Латвии имеется только один фонд и одно дело с материалами в виде фотокопий документов Резекненского съезда 1917 года. В Латвийской Национальной библиотеке доступны рукописи отдельных участников съезда. Свидетельские показания, память о событиях 1917 года в Петрограде и в Латгале также доступны в прессе латгальской эмиграции и в некоторых работах краеведческого характера. Но латгальская пресса, в том числе газета «Dryva» (1908–1917), которая приветствовала Февральскую революцию и представляе-

¹На повседневном латгальском – Питер; на латышском – Pēterburga (Петербург)

мые ею свободы, ярче чем другие источники отражает дух латгальцев. Именно в газете «Druva» впервые была опубликована идея об отделении Латгалии от Витебской губернии и выражено желание объединиться с другими латвийскими краями. Содержание газеты показывает, что для реализации этих идей Петербургские латгальцы вступили в переговоры с представителями Видземе и Курземе. В то же время небольшая часть латгальцев представляли будущее Латгалии как автономию в России, усматривая в таком варианте более выгодную ситуацию для сохранения традиционной культуры латгальцев. Газета отмечает столкновение двух точек зрения, которые впоследствии находят резонанс в Резекненском конгрессе. Приверженцев национального единства с балтийцами вдохновлял Латгальский политик, католический священник, общественный деятель и писатель Францис Трасун (1864–1926). Однако, издатель и редактор самых первых газет на латгальском языке «Zvaigzne» (1902–1903) «Gaisma» (1905–1906) и журнала «Ау-стра» (1908), автор исследований истории Латгалии «Латгальцы» (1910) и «Судьбы Латгалии» (1938) Францис Кемп (1876–1952) и его последователи сопротивлялись поспешному слиянию, считая, что существуют исторические различия в культуре балтийцев и латгальцев, и невозможно объединить «два диалекта и две веры» [4, с. 1]. По мнению Ф. Кемпа, в рамках одной страны разные языки и веры «не могут поместиться в одном муниципалитете, в едином школьном совете, в едином литературном языке, в единой проблематике народной жизни» [4, с. 1]. Ф. Трасун и приверженцы слияния латвийцев со стороны балтийцев, в свою очередь, давали благоприятный прогноз для сохранения специфики латгальской культуры после объединения. Такого же мнения был один из многих видных прибалтов, политик и историк Эрнест Бланк, который развеял опасения по поводу возможной угрозы сохранения латгальской письменности и языка после объединения. Э. Бланк заверил балтийцев, что историческая ценность латгальского языка является гарантией сохранения его как в речи, так и в письменности: «Ведь именно на латгальском диалекте прозвучали первобытные волшебные народные звуки латышских крестьян, которые сложно найти в латышской литературе, измученной немецкими пасторами. В процессе слияния будут преодолены предрассудки с обеих сторон, будет жить язык, традиции и обычаи» [5, с. 2]. Несмотря на разногласия и споры, вскоре после Февральской революции – 12 марта (25 марта по новому стилю) 1917 года было принято решение о созыве в Петрограде латгальской интеллигенции, рабочих и солдат для консультации с целью выяснения мнения большинства и переговоров о возможностях отделения Даугавпилской, Лудзенской и Резекненской волостей от Витебской губернии. Это собрание и дебаты можно рассматривать как первый политический форум латгальцев, в ходе которого 66 участников собрания приняли решение созвать конгресс в Резекне с целью дальнейшего развития процесса отделения [3, с. 399]. Поскольку большинство присутствующих проголосовало в пользу слияния (за – 43, против – 23), на заседании был избран организационный комитет конгресса объединения. До съезда в Резекне 6, 7 апреля 1917 года проводилось собрание общественных деятелей, которые подавляющим большинством поддержали идею о слиянии Латгалии с остальной частью Латвии, и об этом решении была отправлена телеграмма депутату Государственной Думы, Российскому государственному советнику Янису Голдманису, требуя объединения латвийских земель в единую автономную область. На совещании также было решено созвать Народный конгресс в Резекне, заявив, что делегаты будут выбраны по два от каждого прихода или волости Латгалии, по 2–4 от батальонов латышских стрелков и по одному из латгальских обществен-

ных организаций. Выбор и численность делегатов из среды общественных деятелей было решено оставить на усмотрение организационной комиссии съезда. Председателем организационной комиссии съезда был избран один из самых значимых деятелей национального пробуждения Латгалии – Никодем Ранцан (1870–1933), который в 1906 году в Петрограде начал издавать латгальскую газету «Sākla». Переехав жить в Резекне, он при костеле, где служил деканом, в 1907 году основал приходскую школу, где дети впервые смогли учиться на латышском языке, также основал Резекненскую школу торговли (1907) и Грейшканскую сельскохозяйственную школу (1910). Исторический Резекненский конгресс проходил с 26 по 27 апреля (9 по 10 мая по новому стилю) 1917 года, в нем приняли участие 183 делегата. Первый день работы прошел в Резекненском кинотеатре «Диана», но на второй день делегаты собрались в Торговой школе. Председателем конгресса были выбраны Ф. Трасун и Ф. Кемп, для охраны работы конгресса в Резекне было доставлено около 40 латышских стрелков под командованием Яниса Рубулиса [6, 20232–20239]. Перед началом конгресса Никодем Ранцанс провел торжественное богослужение, после чего началось торжественное народное шествие, в котором участвовало около 30 тысяч человек. Участники конгресса получили поздравления от представителей прибалтийцев, после поздравлений следовал доклад Я. Ранцана о ситуации латгальцев в Российской империи и отношениях латгальцев с Видземскими и Курземскими латышами. В ходе обсуждения большинство делегированных представителей поддержали мнение о необходимости объединения латышского народа. Ф. Кемп и 38 его сторонников покинули заседание конгресса. Есть несколько версий того, почему Ф. Кемп так поступил. Одной из версий является то, что он не мог согласиться с определенным во вступительной части съезда решением, что выступать можно один раз. Рукопись Ф. Кемпа показывает, что он покинул конгресс, потому что председательствующий отказался включить в протокол четко определенные и подписями скрепленные гарантии в пользу будущего Латгалии, т.е. условия земельных и административных реформ, судебной системы и системы гражданского права, а также процедуры наследования земли, которые до этого были существенно разные в Прибалтике и Витебской губернии [7, № RxA 96 241.v]. Полностью полагаясь на лояльность балтийцев, большинство участников конгресса также отклонило предложение Ф. Кемпа о подписании документов, гарантирующих невмешательство балтийцев в вопросы языка, религии и школьных дел Латгалии. На второй день Резекненского конгресса, работа которого проходила в помещении школы торговли, после продолжительных дискуссий были приняты следующие решения:

- 1) в совместной Латвии Латгале является автономной;
- 2) латгальцы сохраняют свой язык в церквях, школах и во всех учреждениях Латгалии;
- 3) католическое духовенство в вопросах веры имеет право поддерживать прямой контакт с Папой Римским [8, л. 6].

Так как Временное правительство России не спешило выполнять эти требования, дальнейшее осуществление решения конгресса принял на себя Временный земельный совет Латгалии во главе с Ф. Трасуном. Подтверждая этническое разнообразие Латгалии, из 60 членов совета 24 места занимали представители польских, русских и еврейских меньшинств [8, л. 6]. После большевистского переворота от имени Земельного совета в г. Резекне 3 декабря 1917 г. был созван еще один съезд. В нем приняли участие 343 делегата из 41 Латгальского прихода (не явились представители из 6 муниципальных образований). Из общего числа депута-

тов 297 были латышами (242 из Латгалии, 55 из других местностей), 27 русских (16 православных и 11 старообрядцев), 5 поляков, 2 еврея и 2 белоруса. Конгрессом был избран Временный исполнительный комитет Латгале, которому депутаты делегировали обеспечить завершение отделения Латгалии от Витебской губернии. Совет Народных Комиссаров ССФР приказом No. 93, утвердил полное отделение Даугавпилского, Резекненского и Лудзенского краев от Витебской губернии и присоединение Латгалии к Видземе [6, 20229–20230]. Таким образом, русская революция 1917 года открыла для латгальцев не только возможность приобретения опыта политической деятельности, но и проложила путь к демократии – к свободе прессы, организованной деятельности, и самое главное – к свободе самим решать судьбу своего будущего. Принятые решения демократически избранным представителем народа изменили не только жизнь латгальцев, но и дальнейшую судьбу двух частей латышского народа, которые по воле воюющих великих стран и политических изменений нового времени были административно разделены. Несмотря на то, что на Резекненском конгрессе не было предложено бороться за латвийскую национальную независимость, именно там впервые прозвучало политическое проявление – зов единства латышского народа и территориальной целостности, т.е. учреждения независимого Латвийского государства.

Источники и литература:

1. Sedovs, V. Baltisenatnē. Rīga: Zinātne, 1992.
2. Čakša, V. Latgalesceļš uzgarīgo kultūru un mūzika sizglītību. Rēzekne: RA, 2001.
3. Zeile, P. Latgales kultūras vēsture. Rēzekne: LKCI, 2006.
4. Kemps, F. «Sapņi par vīneibu» // *Dryva* – 1917. – 25. janv.–C.1
5. Blanks, E. «Latvija vīnojās» // *Dryva* – 1917. – 23. janv.–C.2
6. Kemps, F. Latgalieš u kongress. Rokraksts. LNB, Nr. RxA 96, 241.v.
7. Национальный архив Латвии (ЛНА).– Ф. 2298. Оп. 1.Д. 99.
8. Švābe, A. (galv.red. 1933–1934) *Latvieš u konversācijas vārdnīca*. 10. sējums. Rīga: A. Gulbjaizdevniecība.
9. Национальная библиотека Латвии (НБЛ). № RxA 96, 241.v [Рукопись Ф. Кемпа].

ИСТОРИЯ ОДНОГО АТАМАНА. БАТЬКА ТАРАС СЕРГУЧЕНКО И ЕГО ВРЕМЯ

М.В. Васильев

Псков, Псковский государственный университет

Гражданская война в России породила большое количество различного рода авантюристов, пользующихся ситуацией развала государственности в собственных целях. Именно с этим историческим периодом связано такое уникальное явление как батьковщина и атаманщина, существующая как в тылу Белой, так и Красной армии. Практически повсеместно в годы гражданского вооруженного конфликта появлялись местные атаманы и батьки, создававшие свои отряды и контролировавшие определенную территорию. Численность подобных отрядов была различной и колебалась пары десятков человек до нескольких тысяч. Эти атаманы официально придерживались различных политических течений и вступали в союзы с различными военно-политическими силами, действовали по ситуации, зачастую искусно приспособившись к динамично меняющимся условиям. Такая ситуативная тактика действий заставляет исследователей изучать каждый «зеленый» отряд в отдельности, рассматривая его как специфическое явление эпохи. Однако была у